

Эпоха «джинового безумия» в Англии первой половины XVIII в.

Майоров Кирилл Владимирович

аспирант кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет
им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. E-mail: kir261297@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен «джинового безумия» в истории Англии первой половины XVIII в. Поиск пути наполнения бюджета, прежде всего, для ведения войны на континенте, подтолкнул правительство Вильгельма III Оранского на принятие ряда законодательных актов, способствующих росту числа винокуров. Налоговые льготы на производство спирта из английского сырья стимулировали винокуров на массовое производство джина. Простота и дешевизна производства джина сделали его популярным напитком среди жителей Лондона начала XVIII в. Рост количества преступлений и бедности современниками связывался с популярностью джина, прежде всего, среди бедных лондонцев. Просветители и «борцы» за мораль на протяжении 50 лет обращали внимание на опасность джинового пьянства. Автор сосредоточил свое внимание на законодательных актах, регулирующих производство и продажу джина, в контексте их общественного обсуждения, и показал, как разливные социальные группы реагировали на рост преступности и бедности в рамках обсуждения обострившейся проблемы пьянства. Особое внимание уделено точке зрения Даниэля Дефо как наблюдателя и критика «джиномании». Статья показывает, что «джиновое безумие» было не только социальной проблемой, но и стало предметом политических дебатов и вызвало общественный резонанс. В заключении автор приходит к выводу о том, что «джиномания» явилась маркером глубинных изменений в английском обществе, с одной стороны, она задавалась бурным развитием рыночных отношений, с другой же, нарастанием острых социальных проблем в Англии первой половины XVIII в.

Ключевые слова: джиновое безумие, Великобритания, XVIII в., бедность, преступность, пьянство.

«Твои достоинства, о Женева! Еще не воспеты, древними или нынешними бардами, О муза! Вскоре воспоют в возвышенных стихах» [4, р. 16]. Подобные восторженные отзывы алкогольному напитку в сатирической опере Джона Гея могут показаться современному читателю шуткой. Однако английское общество столкнулось в первой половине XVIII в. с невиданным доселе разгулом пьянства, преступности и иных человеческих пороков. Стремительные преобразования конца XVII – первой половины XVIII в. ознаменовались ростом экономики, появлением новых финансовых инструментов: государственного долга, активного появления акционерных компаний и первого государственного банка – Банка Англии в 1694 г. Перемены несли как благополучие в виде новых способов обогащения, так и социальные потрясения. Быстрый рост населения Лондона, прежде всего за счет миграции, приводил к увеличению бедности, а вместе с ней и преступности. Сезонные работы, неспособность приходской системы справляться с оказанием помощи нуждающимся приводили к тому, что отдельные районы Лондона превращались в места обитания бедных и нищих, единственное развлечение которых сводилось к посещению блажащего кабака. Именно в этих условиях и расцветает «джиновое безумие».

«Джиновое безумие», или «Лондонская джиномания» (далее просто «джиномания») – историографический термин, который описывает период увлечения крепким и дешевым напитком джином в среде городского населения Лондона первой половины XVIII в. Дешевизна джина, его доступность и отсутствие жесткого контроля со стороны властей привели к тому, что употребление джина приобрело массовый характер. «Джиновое безумие» можно назвать одним из самых ярких символов переходной эпохи в Англии – болезненный переход от традиционных христианских ценностей к формированию индивидуалистической буржуазной морали.

Производство джина основывалось на простом принципе: сперва, как при изготовлении пива или эля из сырья (зерно, патока, фрукты), путем ферментации получали брагу (wash). Затем брагу перегоняли, получая «слабые вина» (low wines), он же спирт-сырец. Чтобы получить готовый джин, эти «слабые вина» подвергали повторной перегонке, добавляя в процессе ароматизаторы, такие как ягоды можжевельника и различные травы [21, р. 17]. Происхожде-

ние слова «джин» ведут от голландского «Juniper», которое имеет латинские корни и означает «можжевельная ягода». Изначально джин воспринимался как голландский напиток [1, с. 52]. Переняв слово, англичане, как говорит Мандевиль, изменили его, произнося Женевр (Geneva), и в конечном итоге оно стало произноситься как джин (Gin): «Нет ничего более пагубного ни для здоровья, ни для бодрости и работоспособности бедняков, чем пресловутый напиток, название которого происходящее от голландского «Juniper» ... из слова средней длины оно сократилось до односложного опьяняющего джина» [13, р. 86].

Джин современники называли «Мадам Женева» (Madam Geneva). Прозвище Мадам Женева появилось в одном сатирическом произведении, выпущенном анонимом в 1713 г. В нем описывается шуточный процесс над Мадам Женовой – дворянкой, родившейся в голландской семье и выросшей в Англии [17, р. 14]. Ее обвиняли в провоцировании лени, болезни и неверности среди мужей и развратности среди женщин. Приговором суда Мадам Женева была казнена, а ее труп забальзамировали и 10 дней выставляли на показ толпе.

Несмотря на то, что существуют разные мнения о причинах появления и характере джиномании, большинство историков в вопросе о том, когда впервые джин появился в Англии, единодушно ссылаются на произведение Даниэля Дефо (1660–1731) «Краткое изложение ситуации с дистилляцией: торговли дистилляторами в Англии, показывающее, насколько в интересах Англии поощрять указанную торговлю» (1726) [7]. По словам Дефо, впервые с этим напитком познакомились английские солдаты во время Тридцатилетней войны (1618–1648), а уже в период англо-голландских войн джин стал популярнейшим напитком в армии как у офицеров, так и рядовых солдат [7, р. 25]. Дефо считал, что широкое употребление джина произошло после Реставрации Стюартов и во многом привело к нравственному раскрепощению: «Наше пьянство как национальный порок начинает свою эпоху во время Реставрации 1661–1662 гг. или в течение нескольких лет после нее» [7, р. 17]. Примечательно, что Дефо в своей «истории английского пьянства» упускает, если не сказать, сознательно замалчивает роль в этой истории Вильгельма III Оранского. А между тем, именно в законотворческой деятельности Вильгельма III Оранского берет свои корни лондонская джиномания.

Одним из следствий Славной революции 1688/1689 г. стал переход прерогативы монарха в вопросах выплаты государственного долга в руки парламента. Король более не имел права в одностороннем порядке прекращать выплату процентов по займам или освободить себя от всех долгов [11, р. 812]. Гарантом выплаты долгов и дивидендов становится английское правительство, что способствовало росту доверия частных вкладчиков: «Ни один человек, одолживший свои деньги правительству под кредит парламентского фонда, не был обманут в своей собственности» [9, р. 4]. Появляется новый институт, который занимается кредитованием правительства – Банк Англии. Начинается активное формирование рынка ценных бумаг, где главенствующее положение занимают государственные облигации [2, с. 130].

Трансформацию претерпела фискальная политика. Прежде всего, в рамках данной статьи нас интересуют пошлины и акцизы. Мы сосредоточим свое внимание на актах 1688 г., 1690 г. и так называемых «джиновых актах» 1729, 1737 и 1751 гг. На примере публичного обсуждения этих актов можно проиллюстрировать не только беспрецедентное увеличение производства этого напитка, но и бурную общественную реакцию, которая сопровождала принятие законов.

Англо-французское соперничество свело на нет легальную торговлю между двумя странами, что отразилось на государственных доходах от сбора акцизов и пошлин. В частности, согласно Акту о «Запрещении всякой торговли с Францией» 1688 г. [22], под запрет попало французское бренди. Это, в свою очередь, спровоцировало принятие «Акта о поощрении перегонки бренди и спиртных напитков» 1690 г. [23]. Согласно этому закону, менялась налоговая политика по отношению к производителям спирта, получаемого не процессом брожения, а винокурения. Закон поощрял дистилляцию «слабых вин» из английского сырья¹ и облагал дополнительными пошлинами тех, кто получал первоначальную смесь (брагу) из других компонентов, например, мелассы, которую завозили из Вест-Индии. Акцизной платой в один пенни за галлон облагались «слабые вина», продукт первой перегонки. Затем из «слабого вина» путем добавления ягод можжевельника и других ингредиентов и повторной дистилляции получали джин. На практике добавление можжевельника вскоре стало необязательным, и его заменили другими компонентами, но затем все равно продавали как джин. Однако важнее то, что Акт 1690 г. фактически разрушил монополию одной из ливрейных

¹ В тексте закона речь идет о зерне (corn): пшенице, ржи, ячмене и других злаках.

компаний под названием «Благочестивая компания винокуров» (Worshipful Company of Distillers), основанной в 1638 г.

Выгоду от Акта 1690 г. получили многие. Производители зерна получили рынок сбыта для низкокачественного сырья, которое не было пригодно ни для варки пива, ни для выпечки хлеба. Отмена монополии и низкие акцизные сборы открыли двери для сотен и тысяч частных винокуров, которые производили джин у себя дома. И разумеется, выгоду приобрело государство, которое за счет общего объема производимого «слабого вина», из которого потом делали джин, получало значительные средства от сбора акцизов.

Лондон первой четверти XVIII в., с одной стороны, переживал экономический подъем, связанный с быстрыми темпами роста населения, биржевой и товарной торговли, но, с другой стороны, с новой силой расцвели социальные проблемы – бедность, проституция и преступность. Город перешагнул рубеж в полмиллиона жителей еще на исходе XVII в. [10, р. 648]. Население было распределено неравномерно. Богатые жители концентрировались в центральных районах, тогда как значительная часть новопривывших жила в перенаселенных и бедных районах города на окраинах. Наиболее полно охарактеризовал Лондон тех лет Даниэль Дефо, назвав английскую столицу «чудовищем-переростком» [6, р. 291].

Первые серьезные попытки ограничить объем производства джина были предприняты в 1726 г. судьями Мидлсекса под руководством Джона Гонсона, яркого борца с безнравственностью. Именно он изображен входящим в комнату блудницы на третьей гравюре Уильяма Хогарта «Карьера блудницы» (A Harlot's Progress, 1732). Хотя сама проблема поднималась чиновниками Мидлсекса еще в 1721 г. [15, р. 252]. Согласно отчету мировых судей от 13 января 1726 г. в районе Вестминстера и Мидлсекса зафиксировано шесть тысяч сто восемьдесят семь (6187) точек распространения джина, в некоторых районах джин продавали в каждом пятом доме [15, р. 91]. Судьи констатировали, что джин продают везде: в продуктовых лавках, в передвижных тележках, в подвалах обычных домов.

Члены комиссии особенно отмечали опасность употребления джина среди бедных слоев населения и негативные последствия для их работоспособности, рекомендовали срочно повысить акцизы на дистиллированные напитки [15, pp. 91–93]. К сожалению, для мировых судей Мидлсекса, а также борцов из Общества исправления нравов, парламент не пришел в 1726–1728 гг. к единому мнению насчет повышения акцизов на «слабые вина». Часть исследователей склоняется к мнению, что успеху винокуров содействовал Даниэль Дефо, который в «Кратком изложении ситуации с дистилляцией» выступил в поддержку торговлиджином [17, р. 65]. Однако он признавал, что «полезность» торговлиджином со временем может исчезнуть: «То что является общественным благом сегодня, может быть общественным горем завтра; и то, что закон принимается для поощрения в одно время, может потребовать [нового] закона для запрета и предотвращения в другое [время]» [7, р. IV].

Однако уже в 1728 г. Даниэль Дефо под псевдонимом Эндрю Моретон выступил с резкой критикой джиномании: «Я не могу не обратить внимание на неумеренное употребление или, скорее, злоупотребление этим тошнотворным напитком под названием "Женева" среди людей низшего происхождения» [8, р. 32]. Дефо так описывает джин: «В природе нет более вредного для здоровья напитка, чем женеvский, особенно в том виде, в каком он обычно продается; он сворачивает кровь, притупляет чувства, ослабляет нервы, портит зрение и совсем портит желудок» [8, р. 33]. Надо заметить, что данное сочинение вышло в период очередного парламентского обсуждения повышения акцизов на джин. Дефо предрекает вырождение английской нации в течение ста лет, если не получится избавиться от джина. Избавиться же от джина он предлагает при помощи повышения пошлин и акцизов: «Снижение акциза, хотя и очень значительное и весьма достойное внимания, никоим образом несравнимо с испорченностью нравов, разрушением здоровья и всеми другими бедствиями, которыми нам угрожает пагубная Женева» [8, р. 13].

Первый Акт против джина был подписан в 1729 г., после чего производители напитков должны были платить пять шиллингов за галлон, а также каждый год оплачивать лицензию в размере двадцати фунтов. Однако формулировка в акте понятия «джин» давала возможность производителям избегать уплаты налогов. Большинство винокуров незначительно изменило формулу конечного продукта и таким образом уходило от необходимости оформлять лицензию и платить требуемую сумму. Такой напиток современники называли «парламентским бренди» [19, pp. 193–238]. Интересно, что именно крупные производители выступили за пересмотр неэффективных законов, поскольку они фактически игнорировали их конкурентов – тысячи мелких винокуров и нелегализованных продавцов джина.

Закон 1729 г. оказался лишь временной мерой. Религиозные лидеры и реформаторы морали продолжали протестовать против роста производства джина и фактически отсутствия регулирования в этой отрасли. Идея продажи лицензий на производство джина провалилась. У государства не хватало средств принуждения и контроля. Можно сказать, что рынок производства джина был неподконтролен правительству. Участвовавшие случаи разбоя, убийств и иных преступлений все чаще связывали с повсеместным пьянством и пристрастием к джину.

В контексте данной статьи нас интересуют преступления, в которых джин упоминается как один из главных факторов совершения преступления. Для этого мы обратимся к ординариям тюрьмы Ньюгейт (The Ordinary of Newgate). Они представляли собой смесь биографии, предсмертной речи преступника, приговоренного к смертной казни, а также морально-нравственного послания читателю. Они распространялись в дни казни на Тайбернской площади за небольшую цену многотысячными тиражами. Любопытно, что, по словам современников событий, заключенные по пути в Тайберн зачастую не могли сидеть на своих скамейках, до такой степени они были пьяны [14, p. 11].

Пожалуй, хрестоматийна в данном контексте история падшей женщины Джудит Дефур (1701–1734). Ее биография известна благодаря капеллану Ньюгейтской тюрьмы Джеймсу Гатри. История Джудит представляет собой типичный пример жизни бедной провинциальной девушки, оказавшейся в английской столице: «[родилась] от честных, но бедных родителей, живших в Спиталфилдсе, которые не дали ей никакого образования в школе и мало наставляли ее в христианской вере, в которой она была совершенно невежественна ... На службе [экономкой] она попала в дурную компанию, и у нее появился незаконнорожденный ребенок, который затем умер; а после у нее родился еще один несчастный ребенок» [16, p. 6]. Личность отца оставалась неизвестной, а тридцатилетняя мать-одиночка оставляла свою дочь в работном доме и несколько раз в неделю навещала ее. В один из дней посещения, а именно 27 января 1734 г., Джудит Дефур забрала свою дочь, одетую в новую одежду, и совместно с другой женщиной жестоко убила трехлетнюю дочь: «они завязали на шее ребенка платок, каждая из них тянула за концы, чтобы задушить; и наконец они бросили ее тело в канаву. Вещи, отобранные у ребенка, были обменены на четверть галлона джина» [16, p. 7].

Составитель ординарии отмечал «противоестественную реакцию» Дефур на смерть ее ребенка: «Джудит Дефур была очень жестокосердной, однажды она заплакала, когда я заговорил об убийстве; но потом, когда я проповедовал на эту тему, она сидела тихо и не выглядела обеспокоенной, хотя я раскрыл перед ней ее преступление в самых трогательных и ясных выражениях» [16, p. 6]. Капеллан находил объяснение подобной черствости в отсутствии бога в жизни Дефур, а также в ее пьянстве, которое стало «спусковым крючком» преступления: «Она много пила и сквернословила, ей была противна добродетель и трезвость, любила гнусные компании и была готова совершать самые ужасные поступки» [16, p. 8]. Джудит Дефур была приговорена к смертной казни. Подобный случай не мог остаться незамеченным современниками. Дефур стала прообразом для Уильяма Хогарта, изобразившего ее роняющей ребенка в центре своей картины «Переулок джина» [17, p. 208]. Ее образ впоследствии часто использовался для демонстрации пагубного влияния джина на душу человека. Безусловно, Джудит Дефур была не единственной и даже не первой, кого джин подтолкнул на совершение преступления.

Взаимосвязь преступлений и джинового пьянства не раз обсуждались во время парламентских сессий, однако наибольшие споры среди парламентариев в 1736 г. вызвало не бедственное положение английского народа, как об этом говорилось в газетах и памфлетах, а судьба 70 тыс. фунтов, которые должны были войти в гражданский лист, статью национального бюджета, предназначенного для содержания короля и его семьи. Активы гражданского листа формировались за счет изъятия определенной доли денежных средств из суммы общих акцизных сборов на пиво, эль и дистилляцию. В парламентском отчете говорилось: «... главный вопрос, о котором сейчас идет спор, заключается в том, имеет ли гражданский лист безусловное право на эту долю; не можем ли мы принять регулирующее правило, по которому стоимость этой доли может быть уменьшена без предоставления компенсации из какого-либо другого фонда?» [19, pp. 193–238].

Во время этой же сессии был заслушан очередной доклад судей Мидлсекса, которые предложили увеличить пошлины и лицензионный сбор до 50 фунтов в год. Против этого выступил премьер-министр Роберт Уолпол: «Пошлины, которые предлагается ввести на спирт-

ные напитки, несомненно, значительно уменьшат их потребление, но наряду с этим не следует ожидать, что пошлины на эти напитки будут приносить ежегодно столько же, сколько они приносили раньше» [18, pp. 130–159]. Он напомнил парламентариям о необходимости пополнения казны с целью выплат жалования и погашения государственного долга.

Из дебатов мы также можем узнать примерные масштабы джиномании в 1736 г. По словам противников выделения дополнительных 70 тыс., на территории Вестминстера и двух небольших частей северного Лондона находилось 7044 точки розничной торговли джином. С учетом же приходов, которые были включены в зону охвата бюллетеней смертности (чуть больше половины Лондона)², таких точек было более 20 тыс. Парламентарии не пребывали в иллюзиях касательно того, кто пьет джин и какое влияние он оказывает на людей: «большая часть нынешней суммы акциза поступает от разврата и буйства людей ... обычай пить такие спиртные напитки вошел в обиход среди простонародья: мужчин, женщин и детей» [19, p. 210].

В конечном итоге по окончании работы парламента были введены лицензии для продавцов джина в размере 50 фунтов ежегодно, а также повышен акциз за галлон «слабого вина» в размере 20 шиллингов. Парламент также выделил королю Георгу III дополнительные 70 тыс. фунтов по гражданскому листу [20, pp. I–X]. Однако закон 1736 г. не возымел должного результата, производство джина росло каждый год, а необходимость получения лицензий игнорировалась винокурами. Относительная простота и дешевизна производства джина способствовала тому, что его главными поставщиками стали мелкие винокуры, которые устанавливали перегонные кубы прямо у себя дома.

Главным нововведением закона 1736 г. стала система информаторов. После принятия Акта 1736 г. в Лондоне начались беспорядки. Опасавшиеся потерять источник дохода люди нападали на констеблей, а также на случайных прохожих, в которых видели доносчиков [21, p. 177]. Доносчики могли получить пять фунтов, если благодаря их информации удавалось закрыть нелегализованную точку розничной торговли джином. На практике это привело к перегруженности в работе констеблей и участвовавшим актами насилия над женщинами, поскольку значительная часть информаторов были вдовами и проститутками. Институт информаторов был фактически упразднен в 1740 г., когда правительство снизило цену на лицензии для розничных торговцев в десять раз. Т. о., правительство Р. Уолпола находилось в поиске компромисса между удовлетворением интересов богатых землевладельцев, крупных винокуров и необходимостью пополнять бюджет для поддержки английских союзников на первых этапах войны за Австрийское наследство (1740–1748), а с 1743 г. для непосредственного участия в войне. Последующие акты 1740 и 1747 гг. не привели к существенным изменениям в данном вопросе.

Знаковым событием стал выход в 1751 г. в свет работы известного писателя и драматурга Генри Филдинга под названием «Исследование причин участвовавших преступлений» [12]. В ней автор среди других причин роста преступности назвал употребление джина, тем самым, выступив за улучшение системы контроля над производством джина. В том же году Уильям Хогарт написал знаменитую гравюру «Переулок джина» (Gin Lane), где показал ужасающую картину бедных районов Лондона, где царствовала «Мадам Женева». Событием, которое поставило точку в истории «джинового безумия», считается принятие Акта 1751 г. [3]. Вновь поднимавшаяся волна петиций исходила теперь не только от судей Мидлсекса, но и из Вестминстера, Сити и многих других приходов [5, p. 83]. В парламентских прениях участвовали главные заинтересованные стороны – представители крупных винокуров и владельцы пивоварен. В результате долгих переговоров, которые активно освещались в прессе, были приняты меры по борьбе как с розничными торговцами, так и с нелегализованными винокурами. Запрещалось торговать джином в больницах, тюрьмах и работных домах. Были повышены акцизные пошлины и стоимость лицензии. Лицензии на производство выдавались только определенному кругу лиц, которые должны были доказать свою благонадежность и кредитоспособность [21, p. 205]. Также снижались налоги на производство пива и эля, что должно было компенсировать падение доходов от производства джина и торговли им для правительства, а также гарантировать землевладельцам рынок сбыта зерна.

² «Bills of Mortality» – листы еженедельной статистики, изначально созданные в 1603 г. для контроля смертности от чумы в лондонском Сити. К середине XVIII в. списки ранжировали умерших в несколько категорий, в том числе и тех, кто умер насильственной смертью. Бюллетени охватывали преимущественно центральные районы Лондона, оставляя без внимания густонаселенные окраины.

В последующее десятилетие потребление джина снизилось более чем втрое. Современники связывали такое падение с успехом Акта 1751 г. Одна из ведущих историков-исследователей джиномании, канадский профессор Джессика Уорнер, считает, что столь резкий отказ от потребления джина можно объяснить совокупностью факторов. К ним она относит падение доходов населения, череду неурожаев зерна в начале 50-х гг. XVIII в., развитие технологий производства пива, из-за чего оно стало дешевле, чем в начале века, а также влияние пропаганды, которая на протяжении тридцати лет создавала из джина образ яда для нации [21, pp. 205–208]. Таким образом, Акт 1751 г. является, с одной стороны, результатом 30-летней борьбы за здоровье нации общественных деятелей, крупных винокуров, поставщиков зерна и производителей пива, а с другой – способом изыскания средств правительством Англии для ведения войн в Европе и колониях, а также погашения государственного долга.

Проблема перенаселения и резкой коммерциализации Лондона в первой половине XVIII в. создавала внутри общества социальную напряженность, которая находила свой выход в насилии, преступности и алкоголизме. Становление новых ценностей и моральных кодексов коммерциализированного общества выразилось в усилении социальной тревоги. Нуждающееся в средствах правительство вигов и тори стимулировало производство джина в беспрецедентных объемах. Дешевизна и доступность джина сделали его утешением и бегством от реальности. Судьи Мидлсекса, члены Общества исправления нравов, Уильям Хогарт, Генри Филдинг, Даниэль Дефо в течение многих лет обращали внимание на проблему роста преступности, бедности и падения нравов английского общества. Джинное безумие удалось обуздать в ходе тридцатилетней борьбы посредством выравнивания интересов правительства и крупных производителей джина к середине XVIII в.

Список литературы

1. Барнетт Р. Джин. История напитка / пер. с англ. С. Силаковой. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 360 с.
2. Мошенский С. З. Зарождение финансового капитализма. Рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев : Планета, 2016. 278 с.
3. An act for the more effectually restraining the retaining of distilled Spirituous Liquors. 1750. 24 Geo. II, 40 p.
4. Blunt A. Geneva: a poem. Address'd to the Right Honourable Sir R- W-. London : printed for T. Payne, 1729. 32 p.
5. Clark P. The «Mother Gin» Controversy in the Early Eighteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society. 1988. Vol. 38. Pp. 63–84.
6. Dachez H. An overgrown monster: London in Some Eighteenth-Century Writings // Caliban. 2009. № 25. Pp. 285–294.
7. Defoe D. A brief case of the distillers. London : printed for T. Warner at the Black-Boy in Pater-noster-row, 1726. 58 p.
8. Defoe D. Augusta Triumphans: Or, the Way to Make London the Most Flourishing City in the Universe. London : Printed for J. Roberts, 1728. 45 p.
9. Defoe D. The chimera: or, the French way of paying national debts, laid open. London : printed for T. Warner, at the Black-Boy in Pater-Noster-Row, 1720. 45 p.
10. Dickson P. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of the Public Credit, 1688–1756. London : Macmillan, 1967. 648 p.
11. Duglass C. N., Barry R. W. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // The Journal of Economic History. 1989. № 49 (4). Pp. 803–832.
12. Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers and related writings. Middletown, 1988. 340 p.
13. Mandeville B. The fable of the bees: or, private vices, publick benefits. London : Printed for J. Tonson, 1725. 477 p.
14. McKenzie A. Tyburn's Martyrs: Execution in England 1675–1775. London : Hambledon Continuum, 2007. 366 p.
15. Middlesex Sessions: General Orders of the Court. London, 14th January 1726. URL : <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=LMSMGO55600G0556000091> (дата обращения: 08.06.2024).
16. Ordinary of Newgate Prison: Ordinary's Accounts: Biographies of Executed Convicts. URL: <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=OA173403083403080006> (дата обращения: 08.06.2024).
17. Patrick D. The much-lamented death of Madam Geneva: the eighteenth-century gin craze. London : Review, 2002. 380 p.
18. The second Parliament of George II: Second session (2 of 4, begins 29/1/1736). URL: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp130-159> (дата обращения: 08.06.2024).

19. The second Parliament of George II: Second session (4 of 4, begins 12/4/1736). URL: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp193-238> (дата обращения: 08.06.2024).
20. The second Parliament of George II: Third session (1737). URL: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/i-ха> (дата обращения: 08.06.2024).
21. Warner J. Craze: gin and debauchery in an age of reason. New York : Random House, 2003. 269 p.
22. William and Mary, 1688: An Act for Prohibiting all Trade and Commerce with France // Statutes of the Realm. Vol. 6, 1685–94 / ed. John Raithby. 1819. 641 p.
23. William and Mary, 1690: An Act for the Encourageing the Distilling of Brandy and Spirits from Come and for laying severall Dutyes on Low Wines or Spirits of the first Extraction // Statutes of the Realm / ed. John Raithby. Vol. 6. 1819. Pp. 236–238.

The era of "gin madness" in England in the first half of the XVIII century

Mayorov Kirill Vladimirovich

postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History,
Ural Federal University n. a. the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: kir261297@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of "gin madness" in the history of England in the first half of the XVIII century. The search for a way to fill the budget, primarily for waging war on the continent, prompted the government of William III of Orange to adopt a number of legislative acts that contribute to the growth of the number of distillers. Tax incentives for the production of alcohol from English raw materials stimulated distillers to mass-produce gin. The simplicity and cheapness of gin production made it a popular drink among residents of London at the beginning of the XVIII century. The increase in the number of crimes and poverty by contemporaries was associated with the popularity of gin, primarily among poor Londoners. Educators and "fighters" for morality have been paying attention to the danger of gin drinking for 50 years. The author focused on the legislative acts regulating the production and sale of gin in the context of their public discussion, and showed how diverse social groups reacted to the increase in crime and poverty as part of the discussion of the aggravated problem of drunkenness. Special attention is paid to the point of view of Daniel Defoe as an observer and critic of "ginomania". The article shows that the "gin madness" was not only a social problem, but also became the subject of political debate and caused a public outcry. In conclusion, the author concludes that "ginomania" was a marker of profound changes in English society, on the one hand, it was set by the rapid development of market relations, on the other hand, the increase in acute social problems in England in the first half of the XVIII century.

Keywords: gin madness, Great Britain, XVIII century, poverty, crime, drunkenness.

References

1. Barnett R. *Dzhin. Istoriya napitka* [Gin. The history of the drink] / transl. from English by S. Silakova. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review), 2017. 360 p.
2. Moshenskij S. Z. *Zarozhdenie finansovogo kapitalizma. Rynok cennyh bumag doindustrial'noj epohi* [The origin of financial capitalism. The securities market of the pre-industrial era]. Kiev. Planeta (Planet), 2016. 278 p.
3. An act for the more effectually restraining the retaining of distilled Spirituous Liquors. 1750. 24 Geo. II, 40 p.
4. Blunt A. Geneva: a poem. Address'd to the Right Honourable Sir R- W-. London : printed for T. Payne, 1729. 32 p.
5. Clark P. The «Mother Gin» Controversy in the Early Eighteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society. 1988. Vol. 38. Pp. 63–84.
6. Dachez H. An overgrown monster: London in Some Eighteenth-Century Writings // Caliban. 2009. No. 25. Pp. 285–294.
7. Defoe D. A brief case of the distillers. London : printed for T. Warner at the Black-Boy in Pater-noster-row, 1726. 58 p.
8. Defoe D. Augusta Triumphans: Or, the Way to Make London the Most Flourishing City in the Universe. London : Printed for J. Roberts, 1728. 45 p.
9. Defoe D. The chimera: or, the French way of paying national debts, laid open. London : printed for T. Warner, at the Black-Boy in Pater-Noster-Row, 1720. 45 p.
10. Dickson P. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of the Public Credit, 1688–1756. London : Macmillan, 1967. 648 p.
11. Duglass C. N., Barry R. W. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // The Journal of Economic History. 1989. No. 49 (4). Pp. 803–832.

12. *Fielding H.* An enquiry into the causes of the late increase of robbers and related writings. Middletown, 1988. 340 p.
13. *Mandeville B.* The fable of the bees: or, private vices, publick benefits. London : Printed for J. Tonson, 1725. 477 p.
14. *McKenzie A.* Tyburn's Martyrs: Execution in England 1675-1775. London : Hambledon Continuum, 2007. 366 p.
15. Middlesex Sessions: General Orders of the Court. London, 14th January 1726. Available at: <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=LMSMG055600G0556000091> (date accessed: 08.06.2024).
16. Ordinary of Newgate Prison: Ordinary's Accounts: Biographies of Executed Convicts. Available at: <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=OA173403083403080006> (date accessed: 08.06.2024).
17. *Patrick D.* The much-lamented death of Madam Geneva: the eighteenth-century gin craze. London : Review, 2002. 380 p.
18. The second Parliament of George II: Second session (2 of 4, begins 29/1/1736). Available at: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp130-159> (date accessed: 08.06.2024).
19. The second Parliament of George II: Second session (4 of 4, begins 12/4/1736). Available at: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp193-238> (date accessed: 08.06.2024).
20. The second Parliament of George II: Third session (1737). Available at: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/i-xa> (date accessed: 08.06.2024).
21. *Warner J.* Craze: gin and debauchery in an age of reason. New York : Random House, 2003. 269 p.
22. William and Mary, 1688: An Act for Prohibiting all Trade and Commerce with France // Statutes of the Realm. Vol. 6, 1685-94 / ed. John Raithby. 1819. 641 p.
23. William and Mary, 1690: An Act for the Encourageing the Distilling of Brandy and Spirits from Come and for laying severall Dutyes on Low Wines or Spirits of the first Extraction // Statutes of the Realm / ed. John Raithby. Vol. 6. 1819. Pp. 236-238.